

Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика. Сборник научных трудов (к XVIII конгрессу византистов). Киев, 1991. С. 147—171.

59. Мыц В. Л. Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 97—115.

SIDORENKO V. A.

ARTIFACTS OF STONE PLASTIC ART OF MEDIEVAL TAURICA

Summary

This article is devoted to the analysis of artistic style and historic interpretation of artifacts published for the first time. One of them is a font from Alushta district. It is decorated with pictures of animals in the motive «The Tree of Life», vegetation design, two heraldic symbols — figures of a twoheaded eagle and a lion with a forked tail raised on its legs. On the narrow edges between four main planes there are different Christian basins and fonts. «The Tree of Life» motive is a dynastic union of the representatives of these heraldic emblems and christening the heir of this heraldry. Certain historic events enable us to limit its dating by the second quarter of the 15th century.

The second artifact is a carved frame of the basin which reminds the Italian Style of the 11th — 13th centuries. The pictures of animals in

the motive «The Tree of Life» depicted on all four sides are close in style and appearance to those on the Alushta font. The manner of the birds' plumage representation and beaks with large teeth are characteristic for peculiar style which is most expressively seen on the Louvre stone from Peloponnes. The animals tormented by birds of prey are given in a well-known «Langobarden» style, but the birds — in another one. The purpose of the Peloponnes stone was to commemorate the victory of Goths over Langobards and their allies (the fact know from some written sources); taking it into account one should call this style of depicting birds of prey as «Gothian» one. In the Crimea these «Gothian» artifacts are known only on the Southern coast, called Gothia during the Middle Ages.

С. П. ДЕРИЙ

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ ПО РАЗРЕШЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНЫХ СПОРОВ (1802—1810 гг.)

Крым, бывший долгое время «головной болью» русских дипломатов и военных, не обещал стать легким поприщем для творцов внутренней политики. Не случайно поэтому вопрос о формах участия России в крымских делах был дискуссионным в высших политических сферах. Трудно не согласиться с Г. В. Вернадским, полагавшим, что «присоединение Крыма к России не считалось единственным выходом из положения даже в 1778 году, когда было предпринято выселение христиан из Крыма» (1, с. 32). Столь необходимое российскому правительству внутреннее спокойствие Крыма не могло быть достигнуто только военной силой или административной активностью. Возникающие проблемы приобретали подчас непрогнозируемый характер и требовали новых политических подходов.

Так, спустя десятилетие после присоединения Крыма к России, чрезвычайную остроту приобрел вопрос о земельной собственности. Конфликты — от судебных исков до самовольного передела границ земельных участков — между татарами и российскими помещиками не были спровоцированы реальным дефицитом земельных ресурсов: в Крыму после первой массовой эмиграции и до начала активной колонизации имелось достаточно плодородных земель. Указанная ситуация стала, на наш взгляд, результатом отсутствия цельной политической доктрины в отношении будущего Крыма и его коренного населения в составе Российской Империи.

Невозможность решения возникших проблем через традиционные органы власти заставила правительство учредить специальную комиссию для разрешения споров. Деятельность

этой комиссии стала важным этапом формирования крымской политики России. Документы комиссии, хранящиеся в фондах Архива Таврического губернского правления (ныне они составляют отдельный фонд 24 КГА), только однажды стали объектом подробного исследования. Ф. Ф. Лашков, изучая историю крымско-татарского землевладения, дал детальное описание деятельности комиссии как органа, «утвердившего содержание и формы поземельного строя, существовавшего в Крыму до настоящего времени» (2, с. 78). Интересные материалы по истории комиссии опубликованы в составленном Ф. Ф. Лашковым «Сборнике документов по истории крымско-татарского землевладения» (3).

С точки зрения формирования поземельных отношений в Крыму в XIX веке — деятельность указанной комиссии рассматривал С. А. Секиринский в своих работах: «Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII — начале XX века» (4) и «Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма» (5). Важные для исследования общие выводы содержит работа Е. И. Дружининой «Южная Украина 1800—1825» (6).

Комплекс источников исследования содержится, как было сказано выше, в фонде 24 Крымского государственного архива.

Земельная политика имела несколько противоречивых приоритетов. С одной стороны, правительство, как было заведено, щедро делилось своими земельными приобретениями в Крыму с российскими дворянами, не столько демонстрируя свою социальную природу, сколько рассчитывая на частную инициативу в непростом деле колонизации и хозяйственного освоения Крыма.

С другой стороны, очевидно стремление правящих кругов завоевать симпатии новых подданных, имея в виду прежде всего стабильность этого стратегически важного региона. Можно, впрочем, спорить, происходило это политическое направление из идеологических или из прагматических соображений. Но сам факт существования особого отношения к новым подданным — мусульманам представляется несомненным. Сошлемся на авторитет С. М. Соловьева, который заметил: «...кроме принципа веротерпимости, который проповедовался Екатериной вследствие сочувствия господствовавшему философскому направлению, и политические причины, борьба с Турцией, должны были вести к тем льготам относительно магометан, которые мы видим в царствование Екатерины» (7, с. 297). Екатерина II, как видно из документов, имела желание не только выполнить обещание, данное в Манифесте от 8 апреля 1783 года «...свято и непоколебимо... содержать их (местных жителей) наравне с природными нашими подданными», но и превзойти его, наделив но-

вых жителей Российской Империи такими правами, которые «природные подданные» получают много позже. Так, крымские татары были освобождены от рекрутской повинности, от некоторых налогов, дома их не использовались для постоя (8, с. 10). Но важнее прочего было, во-первых, сохранение личной свободы татарским крестьянам и, во-вторых, разрешение свободного наследственного владения землей и недвижимостью для всех татар без различия званий и сословий. Права эти были зафиксированы в указе от 19 октября 1794 г. (Указ, разрешающий покупку земли без крестьян российским купцам, мещанам, казенным крестьянам и отпущенным на волю людям, — нарушающий дворянскую монополию на землевладение, был подписан 12 декабря 1801 г.). Решение это, подтвержденное, как и другие льготы коренному крымскому населению, высочайшим указом от 17 сентября 1796 г. разрушило и без того непрочный социальный мир в Таврической области.

Оказалось, что значительное число потенциальных землевладельцев — татарских общин и отдельных татар — были намерены реализовать свои права прежде всего за счет расселенных в Крыму российских помещиков.

Вряд ли верховная власть прогнозировала такой поворот событий. Ведь свои крымские поместья российская знать получала из казенного земельного фонда, который формировался из так называемых «пустопорожних земель» — бывших ханских владений, покинутых татарских поселений и поместий. Раздача земель производилась только после утверждения Г. А. Потемкиным (3, с. 59). При межвании учитывались показания старожилых из крымских татар (косвенно подтверждает этот факт, по мнению Н. С. Мордвинова, наличие собственных татарских участков внутри имений новых помещиков) (9, с. 200).

Зная репутацию «светлейшего князя», можно предположить, что возникшие тяжбы — результат злоупотреблений, сопровождавших земельные пожалования. Так, вероятно, представляла себе ситуацию императрица Екатерина II, приказавшая в 1796 г. генерал-губернатору П. Зубову «учинить надлежащее рассмотрение» случаям отдачи крестьянских земель под видом оставшихся от вышедших за границу мурз, и «...неправильно взятое хозяину возвратить или другим пристойным образом сделать удовлетворение» (3, с. 95—96). Эти указания приняли за руководство к действиям не столько местные власти, занятые в тот период структурной перестройкой (в 1797 г. была ликвидирована Таврическая область и, следовательно, перестали существовать органы гражданского управления), сколько сами татары, посчитавшие указ 1796 г. окончательным вариантом решения проблемы в свою пользу. Начался стихийный за-

хват помещичьих земель и лесов, ликвидация межевых столбов на границах поместий, другие эксцессы, парализовавшие хозяйственную жизнь в Крыму. Разорены были бесконечными тяжбами и самоуправствами ответчики — российские помещики, причем скорее те из них, которые имели действительное намерение обосноваться на новых землях; разорены были истцы — чаще простые татарские поселяне. Благие намерения верховной власти, не имевшей реальной политической доктрины, и указы, составленные без юридической проработки, способствовали усилению конфронтации и грозили Крыму серьезными потрясениями.

Было обречено на неудачу начавшееся в 1798 г. Генеральное межевание земель. Мало мощные партии землемеров без переводчиков, без особых правил, отражавших специфику землевладения в регионе, не давали и слабой надежды на скорое разрешение многочисленных споров.

Еще одна попытка властей развязать тугой «крымский узел» — составленная по идее П. Зубова «из верных, испытанной честности людей» (3, с. 95) комиссия — была в своей основе разумна: собрать для разрешения споров хорошо знакомых с проблемой депутатов от дворян-христиан, мурз и татар-поселян. Комиссия начала свою работу 1 сентября 1798 г. Были затребованы ордера Потемкина и имевшиеся землевладельческие документы на татарском языке. Комиссия получила, кроме того, объяснения Казнадар-аги, касающиеся системы земельной собственности в ханское время. В ходе следствий открылось, что воображаемый размах злоупотреблений сильно преувеличен. Ответчики, как правило, могли предъявить по правилам составленные юридические документы, доказывающие законность их притязаний, чего истцы чаще всего сделать не могли, подчас подтверждая свои слова только устной клятвой.

Вот как описывает помещик В. С. Чернов в Прощении на высочайшее имя собственный визит в комиссию: «...когда я был призван для объяснений по крымским делам в учрежденный комитет... генерал-губернатор Новороссийский Михельсон объявил, что я, в числе других крымских помещиков, купив только один дом, мельницу и одну загорожу насильно присвоил татарские земли». Обиженный Чернов представил высокому собранию план и межевую книгу, старые и новые купчие. Михельсон пошел на попятную, сказав, что о документах он не знал, и что ему так было сказано (10, л. 3). Попытка одновременно изучить проблему и решить ее была не только безуспешной (из поступивших в комиссию 138 спорных дела было решено только 4), но и вызвала активный протест крымских помещиков, которые обратились с жалобой 25 декабря 1801 г. к генерал-прокурору А. А. Беклешеву. Судя по тому, что документ этот был

отправлен в Комитет по устройству Новороссийского края, желаемого эффекта представленная жалоба все же не имела. Поэтому вторично, через своего доверенного В. С. Чернова, притесняемые помещики обратились с изложением своей позиции непосредственно к Александру I.

Документ этот, вкупе с письмом к Чернову крымских дворян и проектом решения крымской проблемы помещика Таранова и «Мнением относительно Крыма» Н. С. Мординова, не только знакомит нас с позицией одной из сторон, участвовавших в конфликте, но и позволяет судить о мотивах дальнейшего поведения такой важной социальной группы, как дворянство. Заметим, что судя по этим документам, несмотря на некоторые различия, авторы представляют единую позицию российских дворян как в споре о земельной собственности, так и во взгляде на перспективы собственных взаимоотношений с татарами.

Обращает на себя внимание позитивное отношение авторов документов к «цивилизованному», по словам В. С. Чернова, «водворению россиян и других народов в пределы Крыма» (10, л. 6). Иными словами, никто из представленных авторов не имел ничего против защиты государством имущественных и личных прав коренного населения Крыма.

Сложившиеся к 1794 г. взаимоотношения с татарами устраивали российских помещиков. По существу воспроизводилась ситуация, существовавшая в ханское время: проживавшие на землях помещиков татары исправно выплачивали десятину и обрабатывали несколько дней. Объективности ради заметим, что для помещиков такое положение было крайне неудобным и непривычным с хозяйственной точки зрения, и некоторые из них поддались искушению увеличить сроки отработки; С. А. Секиринский приводит примеры роста барщины до 17, 25, 100 дней в году (4, с. 33). Но ни у В. С. Чернова, ни в менее миролюбивом проекте Таранова нет призыва узаконить эту практику, а Н. С. Мординово осуждает ее (9, с. 205).

Разрушительное действие указа 1794 г. Чернов деликатно объясняет «худым переводом и неверными истолкованиями» (10, л. 6 об.), но не выдерживает дипломатического тона и открыто обвиняет правительство в легкомысленном отношении к тем обязательствам, которые выдавались новым крымским помещикам (10, л. 10 об.). Но вообще говоря основным объектом гнева помещиков является не правительство и даже не истцы-татары, которых Чернов, например, склонен считать жертвой незнания русского языка и российских законов, а также козней неправедных отставных чиновников и мурз. Своего главного недруга таврические дворяне христианского вероисповедания, не без оснований, склонны видеть в местной администрации, напоминая, что Указ 1794 г. стал

результатом представления Таврической гражданской палаты Правительствующему сенату. Неодобрим словом поминают правление в Крыму военных губернаторов Каховского и Бердяева, а Мордвинов приводит в своем «Мнении...» записку генерал-губернатора Михельсона с предложением раздать все земли татарам (9, с. 201).

В этой связи надежду на справедливое и скорое разрешение споров дворяне возлагали только на представителя верховной власти, наделенного значительными полномочиями. Реально оценивая ситуацию, то есть невозможность для центральной власти радикально изменить политику по отношению к коренному населению, крымские помещики выступают, по существу, в роли консервативной политической оппозиции, выдвигая на первый план требование законности и восстановления баланса интересов. Здоровый прагматизм подсказывал российским крымчанам, что их главный интерес состоит в поддержании стабильности и мирном сосуществовании с местным населением. Такая конструктивная позиция несомненно повлияла на разрешение описываемого конфликта.

Дворянские проекты, кроме прочего, дают представление о том, чем подпитывался горячий спор о десятинах. В документах Комиссии для разбора споров о землях содержится немало исков татар-поселян к мурзам и последних друг к другу. Как видно, объективно конфликт не имеет ни ярко выраженной национальной, ни классовой подоплеки. Однако субъективно стороны склонны почитать за главное именно национальную принадлежность оппонентов. Печальные исторические реминисценции — «образ татар... с давних времен для россиян ужасных» (10, л. 11) — дополнялись новым нерадушным опытом взаимоотношений. «Вообще примечено, что татары не способны к хозяйству», — утверждает Чернов (10, л. 11 об.) и советует сравнить состояние садов у помещиков и татар. С этим мнением солидарен и Н. С. Мордвинов, уверенный в том, что «...Крым пришел в упадок с тех пор, как вывели из горной части христиан, и татары вошли в их сады...» (9, с. 212). Российские дворяне — участники земельных споров — были уверены, что для татар возможна в отношении христиан ложная клятва и что их оппоненты активно пользуются этой возможностью, чтобы отсудить помещичьи и казенные земли. Многие подобные случаи, в которых, кстати, трудно отделить злой умысел от обычной для переходного времени юридической неразберихи, описаны в жалобах российских дворян. Решения споров в указанных проектах предлагались различные: от административного (отселение всех татар из поместий на казенные земли) у Таранова, до строгого юридического (всем татарам независимо от сословия отмежевать те земельные участки, на которые они имеют письменные справедливые доказательст-

ва) у Мордвинова. К сожалению, идея избавления помещиков от беспокойного соседства была преобладающей (вопрос о слабости присяги был поставлен Палласом и Мордвиновым, которые уверяли И. И. Михельсона, что клятва «талак» не может быть достаточной (11, л. 5). У Палласа для этого были особые основания. Как пишет В. С. Чернов, татары, участвовавшие в отводе земли для поместья Палласа, в 1796 г. от своих прежних показаний отказались и присягнули, что отведенные помещику земли принадлежат им. Они пять лет не пускали Палласа в собственное имение, а в 1801 г. добровольно и письменно признали эти земли за Палласом (10, л. 4 об.). Таранов же приводит в пример спор об участке леса, отведенном адмиралу Ушакову. Две татарские общины оспаривали этот участок, клятву подтверждая свои слова, когда неожиданно Темир бей представил документы на этот участок (11, л. 48 об.).

С другой стороны, татары не могли воспринимать русских помещиков иначе как завоевателей и узурпаторов: «...всем известно, сколько от помещиков претерпевают татары обид и разорений и сверх того, что простерли свои руки на татарские имения, еще готовятся и дальше...» — уверяли татарские депутаты Усеин бейи Гафар Анай (12, л. 7 об.). Различия в языке, культуре, хозяйственном укладе, образе жизни вообще создавали атмосферу взаимного недоверия и неприязни. Отдельные конфликты теряли очертания в общем потоке обид и претензий одной стороны к другой; пассаж Чернова: «не может быть, чтоб около сотни помещиков могли притеснять 80 тысяч татар, крепко связанных друг с другом» (10, л. 11), — выглядит совсем не случайным.

Возможно ли было в таких условиях добиться социального мира? Возможно ли решить эту задачу только с помощью политических и административных мер? Похоже, верховная власть, уверенная в успехе, не задавалась подобными вопросами.

Молодой император Александр I энергично взялся за решение крымской проблемы. Есть основание думать, что именно прошение В. С. Чернова, поданное 28 марта 1802 г., обратило внимание Александра на таврические неурядицы. Во всяком случае, 19 мая того же года был подписан указ об учреждении весьма представительной и наделенной широкими полномочиями Комиссии для разрешения споров о праве на владение землями на Крымском полуострове. Членам комиссии и ее сотрудникам было назначено солидное денежное вознаграждение — председатель комиссии должен был получать ежемесячно 500 рублей и дорожные расходы — 5000 рублей, другие члены комиссии по 200 и 150 рублей и дорожные расходы 2000 и 1500 рублей соответственно. По сто рублей ежемесячно должны были получать землемеры

(13, л. 34). На содержание комиссии татары платили по две с четвертью копейки (14, л. 26) и часть расходов оплачивали таврические дворяне (15, л. 7).

И что действительно важно, текст указа содержал подробные правила (на чем особенно настаивал В. С. Чернов). Решения комиссии, по мнению императора, должны быть окончательными и немедленно приводиться в исполнение, а также служить прецедентами в дальнейшем. В состав комиссии вошли обер-прокурор Межевого департамента действительный статский советник П. С. Ланской, действительный статский советник М. В. Тумановский, обер-секретарь Межевого департамента статский советник Б. И. Крейтер и статский советник П. Сумароков. Возглавил комиссию известный сенатор И. В. Лопухин. Назначение это никак нельзя назвать случайным.

Иван Владимирович Лопухин снискал себе славу либерала и горячего поборника справедливости без оглядки на чины и звания. Из-за таких уменстроений был рано уволен со службы, не найдя общего языка с московским главнокомандующим графом Я. А. Брюсом. Увлекался масонством, религиозными изысканиями и под влиянием, как сам выражался, «своей природной склонности» много занимался благотворительностью. Сенатором был назначен при Павле I, который поначалу сильно приблизил его. Император Александр I вскоре после коронации поручил Лопухину провести инспекцию в Харьковской губернии. В ходе этой миссии Ивану Владимировичу удалось остановить в самом начале возмущение духоворцев и получить согласие государя на их переселение. Либерал Лопухин быстро завоевал симпатии либерала Александра I. Лубяновский Ф. П. в своих «Воспоминаниях» рассказывает, как однажды император Александр, указывая ему на Лопухина, заметил: «Ты много мне об нем говорил, а я вот как знаю его — Иван Владимирович Лопухин и для меня не покривит душой». Доверие государя простиралось так далеко, что он предполагал назначить его министром просвещения, но слабость Лопухина к вину, по свидетельству князя П. А. Вяземского, помешала этому назначению (16, с. 671). Таким образом, назначение Ивана Владимировича Лопухина, скорее всего, свидетельствовало о популистских настроениях императора при определении целей учрежденной комиссии.

Об этом же свидетельствует и историческая справка, предпосланная изложению правил для комиссии, в которой подчеркивалось, что правительство никогда не имело в виду раздавать в Крыму земли «в действительно владении уже состоящие, но единственно пустопорожние для заселения» (13, л. 5 об.), — так резюмируется в указе краткий обзор земельной политики правительства в Крыму. Из этого следует, что вер-

ховная власть желает только установить, какие именно земли могут быть признаны пустопорожными и «возвратить каждому свою» (там же). Этому призваны служить правила, которые Александр I считал достаточными для легкого разрешения существующего спора.

Правила эти (особенно на фоне лаконичности прежних указов) действительно подробно и вполне обстоятельно разъясняют, какие земли могут признаны за татарами, а какие следует считать собственностью новых владельцев. Из разъяснений этих следовало, что несомненным правом собственности обладали только те из помещиков, которые купили свои земельные наделы у законных владельцев (выехавших за границу мурз, татар-поселян и др.). Только в этом случае живущие на землях поместья татары были обязаны выплачивать владельцу дестягину и отработывать для него несколько дней.

Другой род новых владельцев — получившие свои крымские поместья из казенного фонда — полномочны были распоряжаться пожалованными землями в том случае, если им выделялись действительно незаселенные земли. Практика награждения землей с живущими на ней татарами признавалась незаконной. При этом от злоупотреблений, связанных с раздачей земли, петербургские власти заранее отмежевывались ссылками на произвол местных властей.

Оговаривался вариант, когда российские помещики получали земли, оставшиеся после отъезда за границу части татарской общины. В таком случае права новых владельцев представлялись составителю правил несомненными. Нужно заметить, что при всей кажущейся ясности, этот пункт был самым уязвимым: такого рода пожалования не были редкостью, а принципы землевладения в татарской общине не позволяли с достаточной степенью достоверности отделить участки уехавших от участков оставшихся. Известный знаток поземельных отношений в Крыму Ф. Ф. Лашков считал, что в татарской общине не было четкого порядка землепользования. Любой общинник мог занимать ее в нужной мере, иногда за плату в общую пользу. Гораздо реже земля делилась на пай (17, с. 40—41).

Подробно были оговорены и права коренного населения. Татары, проживавшие на ханских землях, получали свои наделы в собственность. Собственностью татар, независимо от сословной принадлежности, признавались и те участки, на которые имелись купчие, дарственные или иные документы. Как казенные крестьяне имели право на пожизненное владение своим земельным наделом жители покинутых мурзами поместий.

Таким образом, в правилах были сформулированы поземельные права татар-поселян «так, как они на самом деле существовали» (2, с. 32).

Пожелания помещиков учитывались в той части правил, в которой определялись обязанности татар в отношении новых и прежних владельцев. Сохранялся прежний объем повинностей (выплата десятины и отработка нескольких дней в пользу помещика). Еще раз подтверждалась неизбежность личной свободы татар. Однако указывалось, что в случае, когда поселяне недовольны владельцем или он недоволен ими, стороны могут требовать от властей переселения татар в степной Крым. Предполагалось выделять там по 60 соток на семью. Именно права отселить татар из своих поместий и добивались, как мы помним, авторы дворянских проектов.

Что касается процедуры разбора дел, то в предложенных правилах указано, что право собственности может быть подтверждено присягой «по обряду их (татар) утвержденной» (13, л. 8 об.).

В целом, представленные правила свидетельствовали о стремлении верховной власти, не отказываясь от политики покровительства мусульманскому населению Крыма, найти приемлемый и для новых владельцев юридический механизм разрешения споров. Нужно признать, что на этот раз в Петербурге не формально подошли к решению проблемы и постарались учесть специфику норм крымскотатарского права.

Для того, чтобы добрые устремления правительства не оставались тайной для местного населения, приказано было указ и правила перевести на турецкий язык, отпечатать и читать в мечетях.

Первое заседание комиссии состоялось 9 сентября 1802 г. Предварительно, из Канцелярии Новороссийского губернатора, из Губернского правления, из Межевой канторы, от председателя таврического дворянства Нотары в комиссию поступили относящиеся к делу документы, в том числе «Камеральное описание землям и садам после вывода христиан и выехавших за границу мурз и поступивших в казну» и другое «Камеральное описание дачам Крыма», составленное губернским землемером Чуйко. Всего было собрано 748 дел.

Для успешной деятельности комиссии были, казалось, созданы все предпосылки. Подход Ивана Владимировича Лопухина требовал истинно государственного размаха. Потому всем новым владельцам, а не только ответчикам по делам, было предложено представить свои документы на земельную собственность. Кроме того, репутация председателя комиссии, как поборника справедливости и защитника простых людей, привлекла в комиссию всех обиженных и не нашедших справедливости крымчан. Стали поступать жалобы о нанесении побоев, о краже соломы, об отнятии двух волов, об увозе жены с детьми, о застроении городской площади и

прочие, не относящиеся к компетенции комиссии дела. Злые языки, и в их числе гражданский губернатор Д. Б. Мертваго, уверяли, что председательствующий только запутывает и усложняет деятельность комиссии. «Явные отзывы Лопухина, что он приехал защитить угнетенных, манили к нему толпы людей. Мелкие прежние судьишки, секретари и подьячие, завидя получившим имения и знавшие все их пакости, открывают свое ремесло, пишут всем прошения. Сенатор без прочтения от всех принимающий, накопил необъятную кипу бумаг... Помещики, кои побогаче и люболее прочих виноватые, приметя склонность сенатора к пьянству и чванству, сопутствуя ему и угождая, приобрели его благорасположение». (16, с. 664).

Уверенный, что члены комиссии «несут труд чрезмерный, что комиссия эта тяжела, четырнадцать лет существовать долженствующая, достойная великого внимания и милости государевой» (там же), И. В. Лопухин действительно понимал задачи своей комиссии слишком широко. К тому же добрые намерения наталкивались на незнание местных условий.

Очень скоро стало очевидным некоторое несовершенство правил, и членом комиссии Б. И. Крейтером был составлен список необходимых уточнений по ряду направлений (18, л. 3—63 об.).

Оказалось необходимым разработать процедуру подачи и рассмотрения жалоб. Опыт работы подсказывал членам комиссии, что необходимо ограничить количество истцов, установив, что комиссия рассматривает только поступившие от старинных крымских жителей в установленный срок жалобы, не претендуя на разрешение всех возможных споров о земле, утерянной недвижимости в городах и не пускаясь в расследование справедливости раздачи казенных земель мурзам. Причем, комиссия не берется рассматривать споры, возникшие за пределами Крымского полуострова, а также пересматривать уже решенные в других присутственных местах споры. Кроме того, в примечаниях выражалось сомнение в возможности реализовать высочайшую волю и наделить желающие татарские семьи участками по 60 десятин.

Очень важным практическим итогом деятельности комиссии следует считать разработку дополнений к инструкции генерального межевания, в которых учитывалась местная специфика — главным образом незнание татарами русского языка и русских законов. Для преодоления этой трудности предлагалось переводить на татарский язык все необходимые документы и назначать в межевые партии присяжного переводчика. Предложенный проект дополнений включал составленную по татарским правилам присягу, которую предлагалось использовать при межевании.

Вопрос о присяге особенно волновал и крымских помещиков, которые в очередной раз через своих депутатов в комиссии Полякова и Сардинаки в резкой форме выразили свое недовольство вероломством татар, дающих ложную присягу в свою пользу и пользу своих единоверцев-мурз, а также неприятие предложенных Александром I правил, которые, по мнению помещиков, дают возможность полностью их разорить (3, с. 46—52).

С этими требованиями и уточнениями комиссии отправился в столицу И. В. Лопухин. В его отсутствие комиссия решительных действий не предпринимала: рассматривали и изучали дела, допрашивали ответчиков. Председатель руководил деятельностью комиссии заочно — практиковались еженедельные докладные записки о работе комиссии. В своем письме от 12 сентября 1804 г. он предписывает членам комиссии произвести сортировку дел, определить верхний и нижний предел цен на землю, перевести татарские меры в русские (19, лл. 3, 3 об.).

Вынужденный простой дорогостоящей комиссии (ежегодно на ее содержание уходило 17 900 рублей) (20, л. 10), был, таким образом, не совсем бесполезным. В Петербурге не торопились, и дополнения к правилам были подписаны только 23 апреля 1804 г. Составители «Дополнений...» внесли необходимые уточнения, сильно сузив круг потенциальных истцов. Комиссии было предписано разбирать только претензии старых владельцев (мурз и татар-поселян) к новым владельцам (российским помещикам), и только относительно крымских поместий. Был назначен срок подачи жалоб. Кроме того, была избавлена комиссия и от необходимости разыскивать неправильно присвоенные казенные земли, руководить генеральным межеванием и пересматривать оконченные в других присутственных местах дела. Исполнение решений комиссий было возложено на губернское начальство (17, лл. 40—44).

Кроме формальных уточнений, «Дополнения...» содержали пункты, корректирующие правила по существу. В Петербурге вняли горячим призывам крымских помещиков и ужесточили процедуру доказательства прав на землю. Отныне устная присяга была действительна только в том случае, если у противной стороны не было письменных документов или если документы эти были сомнительны. Как было сказано выше, с верно оформленными документами у новых владельцев, за редким исключением, не было проблем.

Старые владельцы могли легко оспорить права новых только имея письменные доказа-

тельства, так как согласно вновь утвержденным правилам «древние документы должны предпочитаться новым» (13, л. 45). Но и при таких обстоятельствах новый владелец имел возможность оставить за собой приобретенную в Крыму собственность в том случае, если он успел построить мельницу, фабрику, разбить сад или виноградник. Татары в этом случае должны были получить назначенную комиссией компенсацию (13, лл. 49, 53, 53 об.).

Важной уступкой новым владельцам был пункт, закрепляющий за ними ханские земли и обязывающий поселян-татар выполнять те же обязанности, что и при ханской власти (13, л. 50). За татарами сохранялись их дома, сады, огороды. Кроме того, была в который раз подтверждена их личная свобода.

Формально незначительная корректировка правил в пользу помещиков коренным образом меняла ситуацию. Справедливой следует считать оценку Ф. Ф. Лашкова, полагавшего, что «...закон 1804 года значительно ограничил поземельные права татар сравнительно с правилами 1802 года». (2, с. 44). Но следует учитывать, что в данном случае верховная власть не изменила своей приверженности политике компромиссов. Ведь движение к гражданскому миру в Крыму было невозможно без учета реальных, а не претенциозных интересов дворянства. Кроме того, для интеграции Крыма в состав Российской Империи была важна унификация юридических норм, фактически означающая приоритет российского права над существовавшей в Крыму практикой. Разумеется, это был длительный и болезненный для коренного населения процесс.

Не преодолевая коренных противоречий переходного этапа, правила 1804 г. создавали реальную юридическую базу для достижения согласия и стабилизации внутреннего положения в Крыму.

Учрежденная в 1802 г. комиссия, получив ответы на все поставленные вопросы, могла продолжить свои занятия. Этому препятствовали как отсутствие председателя, задержанного личными обстоятельствами в Петербурге и Москве, так и полная смена состава комиссии. В 1804—1805 гг. свою работу в ней прекратили Ланской, Тумановский, Крейтер и Сумароков.

Наконец, 6 июля 1805 г. был подписан указ об увольнении И. В. Лопухина и назначении председателем комиссии Таврического гражданского губернатора Д. Б. Мертваго.

Выбор этот следует признать исключительно удачным. Дмитрий Борисович Мертваго счастливо сочетал свою высокую должность с редким в России талантом администратора. Е. И. Дру-

жинина замечает, что среди губернаторских отчетов отличались «особой обстоятельностью и полнотою сообщения известного государственного деятеля Д. Б. Мертваго. Не ограничиваясь собственными соображениями, он прилагал к своим отчетам записки, составленные по его просьбе учеными и хозяйственными практиками». (6, с. 35). А. И. Маркевич в статье «Таврическая губерния в связи с эпохой 1806—1814 гг.», анализируя деятельность таврического губернатора, отмечал, что Д. Б. Мертваго уважительно относился к обычаям татар и в своих действиях опирался на знатных и влиятельных. «Принимая всегда строжайшее участие к защите простых татар, стараясь, не ослабляя силы закона, приблизить их к себе любовью», — так формулировал свое кредо таврической губернии (14, с. 19—20).

Мертваго не только удачно использовал свои связи, опыт и авторитет для решения спорных дел, но и неустанно заботился об организации работы комиссии. Полагая, что ее деятельность тормозится малым количеством землемеров, председатель добивался в Петербурге выделения дополнительных средств. В результате длительных хлопот было приказано выделить 5500 рублей для подбора 10 землемеров (21, лл. 54, 54 об.).

Нужно отметить, что большое участие в делах комиссии принимал министр внутренних дел В. П. Кочубей, который, судя по его письмам, весьма пристально следил за успехами и неудачами крымского предприятия (21, лл. 10—21). Сам Александр I обратился к Д. Б. Мертваго с указанием организовать выездные процессы «для улучшения деятельности комиссии и для ограждения поселян от разорения». (13, лл. 108—110).

Общая активность, опирающаяся на достаточно ясную юридическую основу, способствовала быстрому продвижению дел в комиссии. В ее работе, кроме Д. Б. Мертваго, принимали участие коллежские советники М. И. Штер, Д. А. Ковалев и недолгое время Е. В. Вешняков.

Выезжая на места споров вместе с депутатами от сословий и землемерами, члены комиссии опрашивали истцов и ответчиков, принимали от противных сторон дополнительные документы. В случаях, предусмотренных законом 1804 г., в присутствии муллы, депутатов от сословий и членов Нижнего земского суда приводили истцов к присяге. В ходе таких расследований выяснилось, что подозревания В. С. Чернова были не напрасны, и «некоторые из тяжущихся на требование доказательств в подтверждение своих исков отозвались, что никаких исков они не подавали, причем большинство

таких отзывов было подписано посторонними». (2, с. 746—747). Помимо подготовки дел к окончательному решению, члены комиссии производили оценку земель.

Таким образом, если в 1802 г. было решено 8 дел, в 1803 — 14, 1804 — 4 дела, в 1805 — 80, 1806 — 516, в 1807 — 154 (20, л. 35). К 1808 г. основная масса дел была разрешена. Препятствием для успешного завершения деятельности комиссии стал перевод Д. Б. Мертваго в Петербург в Провиантский департамент для наведения порядка. В его отсутствие М. П. Штер и Д. А. Ковалев рассматривали дела, но решения по ним не выносили.

Новый председатель комиссии М. И. Бравин, прибыв в Симферополь в апреле 1808 г., застал на месте только А. К. Ковалева. Наскоро ознакомившись с делами, Михаил Иванович отправился для получения инструкций в Петербург. В столице решение о назначении председателя изменили, и в Крым в ранге председателя возвращен Матвей Петрович Штер.

Для бывшего инспектора ахтырской карантинной конторы Штера участие в деятельности комиссии стало важнейшим этапом карьеры (по окончании работы комиссии Матвей Петрович был пожалован действительным статским советником). Работая с Д. Б. Мертваго, М. П. Штер сумел завоевать его расположение своими деловыми качествами, добросовестностью и честностью. Не случайно, подбирая кадры для Провиантского департамента, Дмитрий Борисович отправил Штеру специальное приглашение, в котором лестно отзывался о его способностях: «...Будьте уверены, что пекусь я всегда о людях со мной служащих и конечно же не присвою себе трудов их, стараясь сделать известными людям честных и государю полезных. Вас таким знаю» (20, лл. 2, 2-об.).

Перед новым председательствующим была поставлена задача как можно скорее закончить рассмотрение дел, принимая к производству только те из них, которые входят в компетенцию комиссии. Кроме того, комиссия должна была выработать положение о повинностях татар по отношению к новым владельцам.

В Правилах от 19 мая 1802 г. было указано, что в случае утверждения земель за новыми владельцами, проживающие на их землях татары, «пока они в том поместье остаются пожелают, будут исправлять те же самые повинности, какие прежним владельцам отбывали, а именно, давать со всего десятинную подать и работать условленные дни от 5 до 8 дней в году» (13, л. 7). Пытаясь точнее определить, какие именно повинности отбывали татары прежде, комиссия

собирала сведения, которые не всегда совпадали.

Депутаты от татар-поселян Усеин бей и Гафар Анай, обвиняя татарских и российских помещиков в сговоре, утверждали, что арендная плата за пользование землей действительно составляла одну десятую. Что же касается работок, то во время сенокоса и жатвы не принудительно, а по приглашению простые татары приходили к помещикам, которые обеспечивали их едой и питьем. Количество рабочих дней никогда не было закреплено ни законом, ни изустно (22, л. 14).

Мурзы подтвердили, что количество рабочих дней не было закреплено законом, но показали, что простые татары выполняли всякие поручения мурз без всяких отговорок и не имели права своевольно переходить от одного хозяина к другому. Показательно, что под этим документом — определением Дворянского собрания — стоят подписи как татарских, так и русских помещиков (20, лл. 3, 3 об.).

Гений скрупулезности М. П. Штер на основе постутивших от поселян и дворян сведений, а также опираясь на историческую справку Таврического муфтия и почтенных мурз от 1798 г., составил проект, в котором подробно разработал правовой и социальный статус татар-поселян. Проект включал положения о личном состоянии, правах и обязанностях, о повинностях, о собственности простых татар. К сожалению, он так и не был реализован (22, с. 75).

Свою работу комиссия завершила по указу Сената от 13 сентября 1810 г. 32 чиновника, принимавших участие в ее деятельности, были награждены орденами, денежными премиями и ценными подарками (23, лл. 4, 4 об.).

Согласимся с Ф. Ф. Лашковым, который считал основным итогом деятельности комиссии достижение примирения сторон в 94 случаях из 239 (2, с. 78). Этот показатель можно считать признаком преодоления конфликта в Крыму. Признаем и относительность такого успеха. Комиссии не удалось с помощью набора административных мер окончательно решить ни одну из важнейших проблем Крыма. Даже достигнутые конкретные юридические результаты деятельности комиссии, а именно определение владельцев тех или иных земельных наделов, зачастую не были окончательными. Например, заверенное дело об имении Тавель, хоть и стало правовой основой для последующих судебных решений, тем не менее не избавило его владельцев от тяжб с татарами, продолжавшихся до 1889 г. (24).

Преодоление конфликта стало нелегким испытанием для российских властей. Выработка реальной и сбалансированной политики потребовала значительных усилий, поскольку ни ме-

стное население, ни новые жители Крыма не были удовлетворены многочисленными декларациями екатерининской эпохи. Избранная в начале века ориентация на поиск компромиссов, опирающаяся не столько на общие рецепты, сколько на внимание к конкретным ситуациям, оказалась в принципе верной.

Нельзя оспорить тот факт, что верховная власть и местная администрация, далекие от политического идеализма и преследовавшие важнейшую для себя цель — поддержание стабильности в стратегически важном регионе — способствовали решению исторической задачи цивилизованного утверждения российской государственности в Крыму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернадский Г. В. Записки о необходимости присоединения Крыма к России // ИТУАК. № 56.
2. Лашков Ф. Ф. История Крымско-татарского землевладения // ИТУАК. № 25.
3. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // ИТУАК. № 24.
4. Секиринский С. А. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII — начале XX вв. (1783—1917). Львов, 1974.
5. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период феодализма (XVI — пер. пол. XIX вв.) Симферополь, 1984.
6. Держинина Е. И. Южная Украина 1800—1825. М.: Наука, 1970.
7. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. XIV. М.: Мысль, 1956.
8. Сообщение члена комиссии Кириенко о прошении депутатов Таврической области на высочайшее имя в 1796 г. и Высочайшем указе 17 сентября 1796 // ИТУАК. № 24.
9. Мордвинов Н. С. Мнение относительно Крыма // Русская старина. 1872. № 2.
10. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 307.
11. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 306.
12. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 676.
13. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 9А.
14. Маркевич А. И. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806—1814 гг. // ИТУАК. № 49.
15. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 496.
16. Барсков Я., Лопухин И. В. Биография // Русский биографический словарь. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1914.
17. Лашков Ф. Ф. Сельская община в Крымском ханстве. Симферополь, 1887.
18. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 208.
19. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 453.
20. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 669.
21. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 475А.
22. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 676.
23. Ф. 24. Оп. 1. Ед. хр. 735.
24. Решения судебных мест по спорам Поповых об имении Тавель. СПб.: Б. и., 1881.